

УДК 391(=512.2/55):745/749

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОМАШНИХ ПРОМЫСЛОВ ЭВЕНОВ И КОРЯКОВ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Хаховская Л. Н.

ФГБУН Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт

им. Н. А. Шило ДВО РАН, г. Магадан

E-mail: hahovskaya@gmail.com

Рассмотрены домашние промыслы эвенов и коряков, резко различающиеся по технике и технологии выделки кожи и меха, конструкции и декору изделий из них. Автор обосновывает генезис различий, показывает исторические, экологические и социальные истоки особенностей этого домашнего ремесла. Прослежена конструктивная и функциональная вариативность скорняжного инвентаря в этническом аспекте. Выявлена утилитарная обусловленность топографии декоративных элементов, показана последовательная сменяемость способов украшения одежды. Показано, что наличие металла на эвенском этническом костюме являлось маркером имущественного и социального статуса семьи.

Ключевые слова: эвены, коряки, домашние промыслы, выделка меха и кожи, шитье, народное декоративно-прикладное искусство, этнический костюм, этнокультурные традиции.

DOI: 10.34078/1814-0998-2022-3-112-119

Введение. Среди аборигенов Севера, проживающих в Магаданской области, наиболее многочисленными являются эвены и коряки. Традиционной культуре этих народов свойствен яркий внешний облик, элементы которого широко представлены на этнических праздниках, служат основой для пошива фольклорных костюмов и утвари. Визуально хорошо воспринимаются различия между эвенской и корякской одеждой, которые заключаются, прежде всего, в ее конструкции, материале и украшении. В сфере домашних промыслов, связанных с обработкой мягких природных материалов, также имеет место глубокая дифференциация в технологических процессах, что обусловлено происхождением, этнической историей и культурными контактами рассматриваемых народов. Однако эти обусловленности и зависимости практически не вскрыты и не прослежены в этнографической литературе, несмотря на обилие публикаций. Собственно скорняжному ремеслу, этническому костюму и его пошиву уделяют внимание многие североведы, пишущие о том или ином народе (Прыткова, 1976; История..., 1993; История..., 1997; Алексеева, 2003); другие авторы освещают процессы обработки, пошива и украшения (Элрика, 1999; Андреева, Сем, 2004) или отдельные их стадии (Федоро-

ва, 1988; Воробей, Хаховская, 2003; Мальцева, Белокопытова, 2022).

Целью статьи является демонстрация этнокультурных различий между эвенками и коряками в выделке кожно-меховой продукции, раскрое, пошиве и украшении одежды и мягкой утвари. Мы выявим и обоснуем генезис различий, покажем исторические, экологические и социальные истоки особенностей домашнего ремесла. В изложении материала мы придерживаемся последовательного рассмотрения каждого этапа работ с вычленением сравнительного этнического аспекта. Отметим, что все эти работы, за редким исключением, являлись прерогативой женщин.

Источниковой базой исследования являются материалы полевых работ, которые проводились автором с 1999 по 2012 г. в местах компактного проживания коренных жителей Магаданской области, а также детальное изучение экспонатов (более 1.5 тыс. ед.) этнографической коллекции Магаданского областного краеведческого музея с 1996 г. по настоящее время. Кроме того, использован обширный круг опубликованных работ.

Хронологические рамки в целом охватывают так называемое этнографическое время, которое начинается с момента накопления документальных свидетельств о коренных жителях Крайнего Северо-Востока и продолжается до наших дней.

Однако основной массив наблюдаемых артефактов, на основании которых автор анализирует заявленную тему, относится к концу XIX–80-м гг. XX в., когда еще в значительной степени сохранялись традиционные приемы обработки и пошива. Автор не касается современного состояния женского домашнего ремесла, так как в связи с исчезновением оленеводства почти на всей территории Магаданской области и стремительной урбанизацией коренных народов этническая одежда в значительной мере приобрела фольклорный характер.

Обработка шкур. Основное исходное сырье для рассматриваемого вида домашнего промысла – оленья шкура, которую обрабатывали с сохранением волосяного покрова (мех) или с его удалением (кожа). Этнические различия прослеживаются в конструкции скорняжного инвентаря и его специализации, в технологии обработки шкуры и в виде получаемого изделия. Яркий контраст между эвенской и корякской одеждой, заметный и неискушенному глазу, состоит в том, что у эвенов существовал как зимний меховой костюм, так и летний, сшитый из обработанной под замшу кожи (ровдуги), а у коряков – только меховой. Летом коряки носили одежду с вытертым волосом, зимний же гардероб каждую осень шили заново. Это кардинальное различие связано с происхождением: эвены изначально формировались в южных регионах с резко континентальным климатом, исключавшим ношение меховой одежды в летний сезон. Коряки, напротив, являются исконными обитателями холодных северных широт, нужда в кожаной одежде у них отсутствовала, женщинам приходилось обрабатывать большое количество шкур (об этом сказано ниже), и на выделку кожи они, как правило, не отвлекались. Таким образом, конечным продуктом труда эвенских женщин были мех и кожа, а корячки выделяли только мех. Соответственно, стадии обработки шкур у эвенов были более дифференцированными, нежели у коряков.

Наряду с этим, в местах выхода предки эвенов имели широкие контакты с монгольскими и алтайскими народами, обладавшими развитыми скорняжными навыками. В итоге в обиход эвенских женщин вошел специализированный и конструктивно разнообразный инструмент, применяемый в разных операциях (Хаховская, 2004). Снятую с туши шкуру высушивали, затем проводили первичную обработку – очищали мездру с помощью скребка *о* (*y*) с острой кромкой небольшого круглого или овального металлического наконечника, насаженного на короткую деревянную рукоятку. Шкуру расстилали на земле или полу, работали сидя, держа скребок одной рукой.

На вторичном этапе растяжки и размягчения мездры, а также очистки ее от дубильных веществ (размельченная оленья печень, олений помет, спитой чай и др.), в ход шел скребок *чучун*. Конструктивно он схож с предыдущим, но отличается гораздо более длинной рукоятью, большим размером наконечника, тупой его кромкой и наличием на ней зубчатых насечек. Форма *чучуна* позволяла держать его обеими руками. Женщины выполняли работу стоя, шкуру держали в подвешенном состоянии или укладывали на доску. Описанными инструментами скребли в разных направлениях (сверху вниз, слева направо, от себя, к себе).

Третья стадия заключалась в очистке шкуры от волоса для получения ровдуги, для чего использовали металлический скребок *кочай* (*кочавун*), вложенный в двуручную коромыслообразную деревянную рукоять. Инструмент держали двумя руками, волос сгоняли движениями сверху вниз, шкуру располагали на наклонной доске, на верхний конец которой опиралась женщина.

На четвертой стадии очищенную от волоса кожу требовалось сделать мягкой и эластичной, что достигалось с помощью скребка *кэрдэ* в виде длинного дугообразного двуручного железного струга с зубчатой рабочей кромкой. *Кэрдэ* мастерили из полос металла, из кос-литовок, из стволов ружей. Эта стадия была наиболее продолжительной и трудоемкой во всем процессе выделки, и данный инструмент существенно облегчал женский труд. При использовании *кэрдэ* шкуру укладывали на доску (полено), один конец которой мастерица упирала в живот, а другой ставила на землю; либо она сидела на земле (полу), захватив конец шкуры ногами. Сильными волнообразными движениями скребка в направлении снизу вверх женщины разминали кожу, снимали часть лицевого слоя, выделявая ее под замшу (Орлова, 1928. С. 96, 97). Конструктивно близок *кэрдэ* скребок *нюнютэ* (*нюлын*): дугообразный, двуручный, но с укороченной рабочей частью и без зубцов. *Нюнютэ* служил для сгонки волоса и, по-видимому, был изначальным эвенским скребком для этой функции, а *кочай* был заимствован у коряков в целях экономии металла и потому получил широкое распространение.

Действительно, единственным скорняжным инструментом северо-восточных палеоазиатов (коряков и чукчей) является скребок *авут*, конструктивно совпадающий с *кочаем*, однако имеющий не металлический, а каменный вкладыш. В этом состоит кардинальное различие домашнего ремесла эвенов-мигрантов и коряков-автохтонов: первые использовали металл, вторые вплоть до современности обходились архаичными каменными скребками, выполняя ими и первичную, и вторичную обработку мездры.

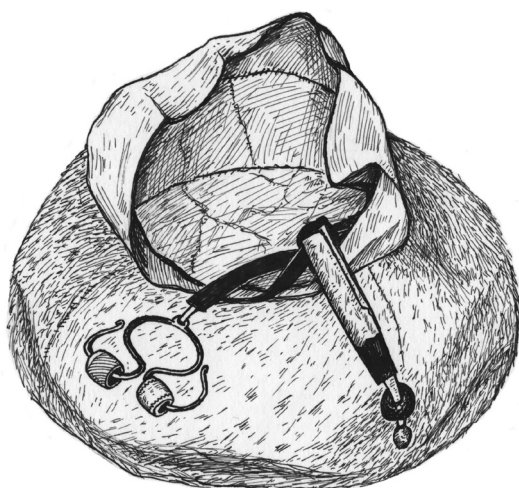

Рис. 1. Сумка для рукоделия корякская, с игольником и наперстками. Рисунок Л. Н. Коршковой по полевым материалам автора

Fig. 1. Koryak needlework bag, with a needle case and thimbles. Drawing by L. N. Korshkova based on the author's field materials

поверхности шкур. Морфологически и функционально вкладыши корякских скребков совпадают с каменным инвентарем целого ряда археологических стоянок Северо-Востока двух последних тысячелетий, что говорит об устойчивой линии местных этнокультурных традиций (Воробей, Хаховская, 2003. С. 92, 93).

Шкуры, предназначенные для покровной одежды (*гагагли*), коряки на второй стадии обработки дубили с применением настоя ольховой коры на моче. В ходе такого дубления мездровая поверхность окрашивалась в насыщенный оранжевый цвет. Поэтому яркие гагагли, которые шили волосом внутрь, являются одной из «визитных карточек» корякской культуры. Эвены переняли навык окрашивания, но применяли его очень ограниченно, исключительно в декоративных целях, окрашивали только кожу, а ольху настаивали на воде.

Раскрой, пошив, хранение. Если в части обработки шкур между эвенами и коряками прослеживается строгое разграничение по линии металл/камень, то операции раскроя и пошива и эвены, и коряки в этнографическое время проводили металлическими инструментами, но некоторое отличие в инвентаре все же имелось. Эвенские кройные женские ножи *гирун* с прямоугольным в плане клинком и слегка выступающим лезвием совпадали с хозяйственными. Корякские же кройные ножи *пекул* отличались характерной полукруглой формой клинка с крутым, дугообразно выступающим лезвием, что, по всей видимости, является репликой каменного орудия. Содержали ножи в деревянных или кожаных ножнах.

Раскрой вели на продолговатых деревянных досках, одна из поверхностей которых была плоской, другая слегка выпуклой; передний (нижний) конец досок закругляли, а задний срезали прямо или уголком. Доски иногда покрывали резным орнаментом, раскрашивали. Женщины, как правило, имели несколько кройных досок разного размера. На материал требуемую деталь переносили, используя специальную выкройку или распоротую старую одежду, с помощью красящего вещества или же накалывая контур шилом, последний способ характерен для эвенов. Шили стальными иглами, при этом очень ценились трехгранные иглы с удлиненным ушком. Обязательной принадлежностью швеи были наперстки. Эвенские наперстки *унипан* в форме усеченного конуса были металлическими, покупными, но для удобства у них порой срезали дно, поскольку мастерицы проталкивали иглу не дном, а стенками. Так же действовали и корячки, но в их арсенале были бочкообразные наперстки *вэлывэл* из оленьего рога (рис. 1). В качестве сшивательного материала использовали сухожилия со спины оленя, которые очищали от мышц, сушили, отбивали деревянной колотушкой. Из расщепленных сухожилий отбирали отдельные волокна и непосредственно перед шитьем сучили их на обнаженном колене, немного смачивая слюной. Нити впрок не делали, так как они могли пересохнуть.

Вместилищем игл служили игольники, конструктивно различавшиеся. Игольники коряков *тэтэдэчгын* были металлическими, но их трубчатая форма отсылает к древним костяным изделиям, которые мастерили из трубчатых костей птиц. Иглы вкалывали в кожаный ремешок, пропущенный сквозь трубку. Один конец ремешка стопорили подвеской, другой прикрепляли к поясу или сумке (см. рис. 1). Эвены, наряду с заимствованными палеоазиатскими трубчатыми игольниками *инмэрук*, использовали деревянные пеналообразные шкатулки *коробдя*, вошедшие в обиход под влиянием приобщения к православной богослужебной практике: их форма в уменьшенном масштабе копировала коробки, в которых хранились церковные свечи, что видно и из заимствованного названия.

Швейные инструменты и заготовки для рукоделия мастерицы хранили в специальных сумках. Эвенские женские сумки бытовали двух типов: *укульчэн* и *авса*. Укульчэн представлял собой скатку из полосы кожи, снятой с крупного лосося (кета, кунджа) с зашитыми отверстиями от плавников. В скатки помещали инструменты, изделия и заготовки для рукоделия, связывали их, и в свою очередь, вкладывали в небольшую авсу — плоскую сумку с крышкой, сшитую из оленьего камуса (рис. 2). Внутри авсы обычно имелся маленький кармашек для наперстка и клапан-лоскут

для вкалывания игл. При перевозке авсу помещали в более крупную переметную суму. Такой раздельный способ хранения предметов и вкладывание сумок друг в друга по принципу матрешки сложился у эвенков под влиянием хозяйственного уклада с частыми и длительными перекочевками в поисках охотничьей добычи. Эвенки практиковали выючно-верховое транспортное оленеводство, а способность оленей перевозить поклажу верхом ограничена как по массе, так и по объему. Наличие разнообразных вместилищ для отдельных предметов повышало умение эвенческих женщин быстро собираться в путь и мобильность общества в целом, при этом их повседневный быт отличался компактностью и минимализмом.

Корякская культура таких жестких ограничений не испытывала, поскольку перекочевки совершались гораздо реже, а грузы транспортировались на нартах. Корякам не приходилось бороться за ограничение массы и объема, их хозяйственный уклад, как отмечают многие исследователи, был гораздо более громоздким и менее упорядоченным, нежели у эвенков. И, действительно, корякские сумки для рукоделия *чеючгын*, как правило, объемные, мастерица могла уложить в них много предметов, в том числе и кроильную доску. Шили такие сумки чаще всего из нерпичьих шкур в виде мешков, лодочек или сферической формы (см. рис. 1).

Декоративное оформление. Декоративные элементы этнической одежды и утвари подразделяются на пришитые, накладные и подвесные. При этом чисто эстетическое значение имеют только последние, тогда как использование пришитых и накладных деталей изначально обусловлено утилитарными потребностями расширить и надставить изделие и устранить дефекты в его материале. Это хорошо видно на примере верхней плечевой одежды, которая несет важную, а у коряков едва ли не основную эстетическую нагрузку.

Классический эвенский распахной кафтан кроили из одной шкуры: угловыми боковыми разрезами и перегибом из нее формировали цельную спинку, обе полки и верхние части рукавов. Согласно устоявшейся классификации, этот крой относится ко II (восточносибирскому) типу верхней плечевой одежды народов Сибири (варианты 1 и 2) (Историко-этнографический..., 1961. С. 306, 307). При этом получали узкий и короткий стан, который необходимо было дополнить широкими полосами по бортам и подолу. Эти полосы собирали из лоскутов, которые при соответствующем подборе принимали упорядоченное положение и развились в орнамент. Кроме того, для удобства верховой посадки и передвижения эвенки расширили двумя расклинивающими вставками нижнюю часть спинки, а места

Рис. 2. Сумка для рукоделия эвенская. Здесь и далее фото автора (полевые материалы)

Fig. 2. Even needlework bag. Here and below photos taken by the author (field materials)

вшивания для прочности прикрыли клапанами. В итоге эвенский кафтан оказался очень нарядным: он имеет приталенный силуэт, украшен широкими декоративными полосами по бортам и подолу, парными клапанами на спинке и часто еще и на полках (рис. 3). Но такой внешний эффект, как ни парадоксально, обусловлен изначальной ограниченностью ресурсов: эвенки имели мало домашних оленей, охота не давала массового поступления сырья, поэтому в целях экономии на кафтан шла только одна оленья шкура.

Принципиально иной конструкцией характеризуется корякская верхняя одежда, относящаяся к XI (чукотско-камчатскому) типу (Там же. С. 322). Она глухая и просторная. Коряки, обладавшие крупными стадами домашних оленей, для получения сырья каждый год ранней осенью устраивали их массовый забой. На кухлянку для взрослого человека шли три шкуры¹: в классическом крое реглан отдельно вырезали спинку, перед и два рукава с частью капюшона (верхняя кухлянка, а также покровная гагагля имели капюшон и нагрудник). Если одежда была коротковата, то подол надставляли меховой же полосой *упован* (*опуван*). В дальнейшем, под влиянием контактов с эвенками, коряки начали орнаментировать упован, в последнее время орнамент распространился на нагрудник и низ рукавов (Мальцева, Белокопытова, 2022). Однако в целом корякская верхняя одежда более тяжелая, громоздкая; ее силуэт и декор не блещут таким изяществом, как у эвенков, но она позволяла выжить в условиях арктической зимы и была хорошо приспособлена для пешего выпаса крупных слабо прирученных оленьих стад и нартового передвижения по открытым тундровым пространствам.

¹Отсюда следует, что корякам приходилось выделять в 3 раза больше сырья, нежели эвенским женщинам.

Рис. 3. Эвенский женский кафтан

Fig. 3. Even female frock

Рис. 4. Корякская покровная кухлянка (гагагля)

Fig. 4. Koryak integumentary parka (gagaglya)

Однако если декоративной деталью меховой кухлянки мог быть только пришивной упован, то иначе дело обстояло с гагаглей. Сырье для гагагли, которую носили поверх кухлянок (или керкеров у женщин), выбирали не столь тщательно, поэтому на ней, как правило, имелось много мелких отверстий – дефекты от поражения оленя оводом. Эти отверстия зашивали круглыми лоскутами², которые со временем превратились

²Многочисленность лоскутов на гагагле даже привела некоторых авторов к фантастической идее, что таким образом коряки размещали на одежде карту звездного неба (Crossroads..., 1988. P. 32, 222).

в типичную корякскую декоративную деталь – розетку (рис. 4). Таким образом, топография (расположение) пришивных (эвенские полосы на бортах и подоле, корякский упован) и накладных (эвенские клапаны и корякские розетки) декоративных деталей имела утилитарный генезис и изначально преследовала практическую цель сделать одежду более прочной и свободной.

Техника и технология декора.

До развития активных обменных операций с российской стороной мастерицы могли использовать только естественное, природное сырье. По фактуре и цвету выбор был довольно скудным, поэтому для разнообразия декора требовалась довольно изощренная техника. Самым простым приемом было окрашивание как целых изделий (упомянутая гагагля), так и заготовок (лоскуты меха, кожи, олений подшейный волос, волос морских животных). Из настоя ольховой коры получали разные оттенки, от оранжевого до темно-коричневого, черную краску делали из смеси сажи и жира, использовали минеральные красители – охру, графит. Окрашенные заготовки и лоскуты естественного окраса комбинировали в разных сочетаниях.

Широкое распространение получила техника мозаики – сшивание кусочков меха и кожи контрастного цвета в декоративные полосы разного размера и формы. Мозаика имела самостоятельное значение, она, как правило, не сочеталась с другими техниками. Мозаичные узоры эвенов и коряков преимущественно геометрические: шахматный, ромбический, зигзагообразный, полосчатый. В этой технике обычно выполнены корякские упованы, эвены часто украшали мозаикой полы кафтанов, крышки сумок (см. рис. 2) и другую утварь. Отметим, что мозаичный раппорт из нескольких – 4 и более – горизонтально ориентированных полосок белого меха, которые перемежаются коричневыми более широкими полосками и разделяются широкими тканевыми или меховыми участками, расположенный на бортах (см. рис. 3; см. также Мальцева, Белокопытова, 2022. Обложка), эвены называли *элэ*, в чередовании полосок видели сменяемость дня и ночи

и разделяются широкими тканевыми или меховыми участками), расположенный на бортах (см. рис. 3; см. также Мальцева, Белокопытова, 2022. Обложка), эвены называли *элэ*, в чередовании полосок видели сменяемость дня и ночи

и говорили о том, что они носят на своих кафтанах календарь. По нашему мнению, этот орнамент действительно связан с практикой проследивания времени, а в обиход эвенов он вошел благодаря церковным календарям для отсчитывания дней недели, что подтверждается рисунком в дневнике Д. Л. Бродской-Иохельсон (рис. 5). Автор дневника так описывает этот предмет: «... календарь: деревянная четырехугольная линейка, на которой очень правильно вырезаны полоски – дни недели, а воскресенья обозначены широкой полосой» [Архив Института восточных рукописей (АИВР). Ф. 23, оп. 2, д. 132, л. 8].

На кожаной основе создавали орнаменты в технике аппликации, продержки и вышивания волосом. Аппликация состоит в нашивании на основу мелких контрастных лоскутов кожи и меха, при этом получали более сложный геометрический узор, нежели при мозаике. Для продержки на основу наносили поперечные прорезы, сквозь которые продевали ремешок контрастного цвета. Корякские мастерицы продеваемый ремешок обкручивали волосом, белым или окрашенным, достигая не только разноцветного, но и рельефного орнамента. Также подшейный волос оленя нашивали на кожаную основу: коряки в виде жгута, прикрепленного сухожильной нитью вперевивку, а эвены в виде зигзага, прихваченного нитью по верху и по низу строчевым швом.

При значительном сходстве техники технология изготовления немозаичного орнамента из естественных мягких материалов в этническом плане отличалась. Коряки выполняли узоры мелкой разработки (аппликация, продержка, обкручивание волосом, наложение жгутов из волоса) на изначально цельной кожаной основе розетки или упована, тогда как эвены собирали орнаментальные полосы из отдельных узких полосок мелкой разработки. Таким образом, коряки работали в технологии наложения, а эвены – наложения и сборки. Именно так сшиты эвенские передники и шапочки-капоры.

В ходе включения Северо-Востока в состав Российского государства и налаживания обмена коренным жителям стали доступны новые декоративные материалы: бисер, ткань и металл. В результате применения разноцветного бисера появилась возможность создавать огромное разнообразие узоров в одной и той же технике пришивания к кожаной основе сухожильной нитью нитяной же низки зерен бисера. Эта декоративная техника гораздо более проста в исполнении, чем работа с меховыми и кожаными мелкими лоскутами и волосом. Низки можно укладывать в виде прямых рядов, зигзагов, кружочков, арочек и прочих линий, заменяя тем самым сложный орнамент из

мягких материалов. Очень быстро бисерная вышивка получила огромное распространение и сильно потеснила коженно-меховой декор. Эвены зашивали бисером большие полосы в виде сплошного настила и украшали ими одежду и утварь. Также они включили узкие бисерные нашивки в состав сборных орнаментальных полос. Коряки перешли исключительно на бисерные розетки (см. рис. 4), нашивая низки в виде концентрических окружностей, упованы при этом у них остались меховыми.

Украшения из ткани в виде нашивок на кожаную основу получили хождение только у эвенов, коряки ткань с кожей и мехом в одежде не сочетали. Эвены предпочитали черную и красную ткань, вставки из которой украшают кафтаны, передники, шапочки и торбаса.

Следующим этапом развития декоративных тенденций у коренных народов Северо-Востока является вышивка нитями заводского изготовления (мулине, гарус, ирис) по кожной и тканевой основе. Некоторые эвенские мастерицы украшали нитяной вышивкой верхнюю часть перчаток и корсажи торбасов, корячки в последнее время стали вышивать нитями пояса и упованы погребальной одежды. Вышивают гладью, тамбурным и стебельчатым швами, строчевыми стежками, реже крестиком. Однако этот способ украшения у рассматриваемых народов применяется крайне ограниченно.

Что касается украшений из металла, то такой способ декора совершенно не характерен для ко-

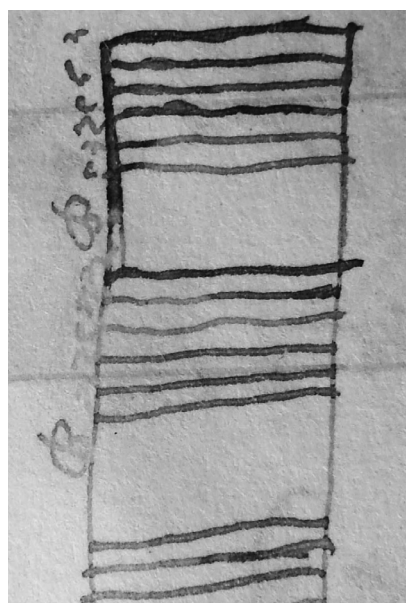

Рис. 5. Изображение церковного недельного календаря (слева буквами обозначены дни недели). Источник: [АИВР. Ф. 23, оп. 2, д. 132, л. 8]

Fig. 5. Image of a church weekly calendar (days of the week marked by letters on the left). Source: [AIVR. F. 23, op. 2, d. 132, l. 8]

ряков (за исключением ритуальных подвесок и накладок, но этого вопроса мы здесь не касаемся), но эвены использовали очень широко. Эвены предпочитали белый металл, но не обходили стороной и желтый. На клапаны и пелерины кафтанов нашивали крупные выпуклые бляхи *эрипэн*, которые кустарным способом выковывали из серебряных монет досоветского производства номиналом 1 руб. Шапочки-капоры и передники украшали крупными и мелкими бляхами *мэнг-дэлэн* из серебряных монет 10-копеечного достоинства. Также на шапочки нашивали серебряные дугообразные пластины *чилми*, мелкие литые накладки из олова *аут*; а на передники – ажурные и антропоморфные литые подвески из медного сплава, колокольчики из белого металла (рис. 6).

Рис. 6. Эвенский женский передник. Рисунок Л. Н. Коршковой по полевым материалам автора

Fig. 6. Even female apron. Drawing by L. N. Korshkova by the author's field materials

Кроме того, летние кафтаны украшали наспинными подвесками *уйр* с накладными пластинами из серебра или белого металла, зимние дополняли поясами с такими же пластинами.

При всем многообразии металлических украшений эвенской одежды существует весьма важная избирательность применения этого декора: металл присутствовал исключительно на женском костюме. Это было единственное гендерное различие эвенской одежды, которая и по конструкции, и по составу, и по материалу была одинаковой для мужчин и женщин. При этом мужская одежда содержала также мини-

мум бисера, а украшалась кожей, мехом и тканью. Различие объясняется хозяйственными занятиями – мужчины много времени уделяли охоте, и их одежда должна была быть легкой и бесшумной. При таких обстоятельствах обилие металла на женской одежде стало способом накопления богатства и, как следствие, публичной демонстрации имущественного и социального статуса семьи. Действительно, залогом благополучия семьи являлась обильная охотничья добыча, в первую очередь пушная. Излишки пушнины, которая не могла храниться долго, выменивали на металл, при этом его не хранили втуне, а выставляли напоказ: чем богаче женский костюм, тем зажиточнее семья, тем более высокий у нее общественный статус. Коряки, которые пушной охотой практически не занимались, такого обменного фонда не имели, их зажиточность выражалась в количестве домашних оленей и потому визуализации в этническом костюме не получила.

Заключение. Таким образом, наглядно наблюдаемая дифференциация женского домашнего ремесла эвенов и коряков, тесно контактирующих более трех столетий, обусловлена устойчивостью изначальных этнокультурных традиций, на которые определенный отпечаток накладывали иноэтнические влияния, в том числе приобщение эвенов к православному вероисповеданию. Наиболее стабильными элементами этой сферы оказалась технология обработки шкур, конструкция одежды и топография ее декора, тогда как способы украшения и применяемые материалы менялись, порой радикально. Самым заметным сдвигом стало вытеснение кожевенно-меховой орнаментации бисерной вышивкой, что характерно как для эвенов, так и для коряков. Значимой эволюцией эвенского костюма является применение металлических украшений, которые наглядно обозначали социальную и имущественную иерархию общества.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е. К. Очерки по материальной культуре эвенов Якутии (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск : Наука, 2003. 158 с.

Андреева Л. В., Сем Т. Ю. Художественная обработка меха и кожи у народностей Крайнего Северо-Востока. Вып. 2. Эвены. Магадан : МАОБТИ, 2004. 468 с.

Воробей И. Е., Хаховская Л. Н. Археолого-этнографические аспекты изучения отдельных категорий инвентаря // Интеграция археологических и этнографических исследований / XI Международный научный семинар. Омск, 3–6 июня 2003 г. Омск : Наука-Омск, 2003. С. 92–94.

Историко-этнографический атлас Сибири. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1961. 498 с.

История и культура коряков: Историко-этнографические очерки. Санкт-Петербург : Наука, 1993. 236 с.

История и культура эвенов: Историко-этнографические очерки. Санкт-Петербург : Наука, 1997. 180 с.

Мальцева Н. В., Белокопытова В. А. Особенности декорирования мозаикой предметов из этнографической коллекции Магаданского областного краеведческого музея (на примере коряков и эвенов) // *Изобразительное искусство Урала, Сибири и Дальнего Востока*. 2022. № 1. С. 18–25.

Орлова Е. П. Хозяйственный быт ламутов Камчатки // *Северная Азия*. 1928. № 5–6. С. 84–99.

Прыткова Н. Ф. Одежда чукчей, коряков и ительменов // *Материальная культура народов Сибири и Севера*. Ленинград : Наука, 1976. С. 5–88.

Федорова Е. Г. Украшения верхней плечевой одежды народов Сибири (ханты, манси, ненцы, энцы, нганасаны, кеты, эвенки, эвены, чукчи, коряки) // *Материальная и духовная культура народов Сибири*. Ленинград : Наука, 1988. С. 86–104.

Хаховская Л. Н. Металлические скребки эвенов Магаданской области // *III Диковские чтения : материалы научно-практической конференции, посвященной 50-летию Магаданской области*. Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2004. С. 227–234.

Элрика В. Так одевались мои предки // *Северные просторы*. 1999. № 3–4. С. 66–69.

Crossroads of Continents: Cultures of Siberia and Alaska / eds. W. W. Fitzhugh and Aron Crowell. Washington, D. C. : Smithsonian Institution Press, 1988. 352 p.

Поступила в редакцию 23.06.2022 г.

Поступила после доработки 05.07.2022 г.

ETHNOCULTURAL FEATURES OF EVEN AND KORYAK HOUSEHOLD CRAFTS IN MAGADAN OBLAST

L. N. Khakhovskaya

North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute n. a. N. A. Shilo, FEB RAS, Magadan

The article discusses Even and Koryak household crafts, sharply different in techniques and technologies of leather and fur processing as well as in the design and decorations of products made from them. The author substantiates the genesis of differences, shows the historical, ecological, and social origins of this home craft features. The constructive and functional variability of the furrier inventory is traced in the ethnic aspect. The practical determination of the decorative element topography is revealed; the successive variability of clothes decorating is demonstrated. Metal on the Even ethnic costume has been shown to be a marker of the family's property and social status.

Keywords: Evens, Koryaks, household crafts, fur and leather dressing, sewing, folk arts and crafts, ethnic costume, ethnocultural traditions.

REFERENCES

Alekseyeva, E. K., 2003. Essays on the Material Culture of Yakutia's Evens (Late 19th – Early 20th Centuries). Novosibirsk, Nauka [In Russian].

Andreyeva, L. V., Sem, T. Yu., 2004. Artistic Fur and Leather Processing by the Peoples of the Far North-East; Iss. 2. Evens. Magadan [In Russian].

Crossroads of Continents: Cultures of Siberia and Alaska, 1988. Eds. Fitzhugh W. W., and Crowell A. Washington, D. C., Smithsonian Institution Press.

Elrika, V., 1999. This Way My Ancestors Dressed, *Severnye Prostory*. 3–4, 66–69 [In Russian].

Fedorova, E. G., 1988. Decoration of the Upper Shoulder Clothes of the Peoples of Siberia (Khanty, Mansi, Nenets, Entses, Nganasans, Kets, Evenks, Evens, Chukchi, Koryaks), *Material and Spiritual Culture of the Peoples of Siberia*. Leningrad, Nauka. 86–104 [In Russian].

Historical and Ethnographic Atlas of Siberia, 1961. Moscow – Leningrad, Publishing House of the AS USSR [In Russian].

History and Culture of Evens: Historical and Ethnographic Essays, 1997. St. Petersburg, Nauka [In Russian].

History and Culture of Koryaks: Historical and Ethnographic Essays, 1993. St. Petersburg, Nauka [In Russian].

Khakhovskaya, L. N., 2004. Metal Scrapers of the Evens of the Magadan Region, *III Dikov's Readings: Materials of Scientific-Practical Conference Devoted to the 50th Years of the Magadan Region*. Magadan, NEISRI FEB RAS. 227–234 [In Russian].

Maltseva, N. V., Belokopytova, V. A., 2022. Peculiarities of Mosaic Decoration of the Items from the Ethnographic Collection of the Magadan Regional Museum (Exemplified by Koryaks and Evens), *Fine Arts in the Urals, Siberia, and the Far East*. 1, 18–25 [In Russian].

Orlova, E. P., 1928. Household Routine of the Lamuts in Kamchatka, *North Asia*. 5–6, 84–99 [In Russian].

Prytkova, N. F., 1976. Chukchi, Koryak, and Itelmen Clothes, *Material Culture of the Peoples of Siberia and the North*. Leningrad, Nauka. 5–88 [In Russian].

Vorobey, I. E., Khakhovskaya, L. N., 2003. Archaeological and Ethnographic Aspects of Studying Some Inventory Categories, *Integration of Archaeological and Ethnographic Research. 11th International Scientific Workshop. Omsk, June 3–6*. Omsk, Nauka-Omsk. 92–94 [In Russian].

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

ЖИЗНЬ ВО БЛАГО КРАЙНЕМУ СЕВЕРУ И НАУКЕ (К 90-летию со дня рождения выдающегося геолога-рудника, члена-корреспондента РАН А. А. Сидорова)

LIFE FOR THE BENEFIT OF THE FAR NORTH AND SCIENCE: 90th Anniversary of an Outstanding Mining Geologist, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences A. A. Sidorov

В августе 2022 г. исполнилось бы 90 лет нашему земляку и сослуживцу, талантливому ученому и удачливому геологу-руднику Анатолию Алексеевичу Сидорову (01.08.1932 г. – 29.08.2021 г.). В трудовой биографии этого глубоко неординарного человека как в зеркале отразились основные этапы жизни нашей страны: от послевоенных значительных и весомых результатов величайшего социалистического строительства, едва не сгоревших в топке деструктивных постперестроечных процессов, до обнадеживающего возрождения России и ее народного хозяйства в первой четверти XXI в.

Окончив в 1953 г. геологоразведочный факультет Иркутского горно-металлургического (ныне политехнического) института, Анатолий Алексеевич в течение семи лет работал геологом на производстве – сначала в Чаун-Чукотском горнопромышленном управлении, а затем начальником поисковой партии Чаунского РайГРУ (Певек, Чукотка). В этот ранний период (1955–1959 гг.) он открыл ряд вулканогенных золото-серебряных месторождений и рудопоявлений, став отцом-основателем уже новой (не «куваевской») весьма перспективной золотоносной Территории, за которую предстояло долго и упорно бороться. Оруденение этого типа не было изучено и оценено на Северо-Востоке России, поэтому все работы 1955–1978 гг.: производственные отчеты, публикации, в том числе две монографии – «Золото-серебряное оруденение Центральной Чукотки» и «Золото-серебряная формация Восточно-Азиатских вулканогенных поясов» – были пионерными. По результатам этих работ Анатолий Алексеевич в 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию, а в 1973 г. – докторскую.

В дальнейшем, уже в Магадане и в Москве, при активном участии А. А. Сидорова были предложены новые обобщающие рудно-генетические концепции «докембрийских праформаций», «полных и редуцированных рудноформационных рядов», показаны родство и особенности источников минерального вещества месторождений разных минеральных типов в пределах каждого рудноформационного ряда; выявлены закономерности прогрессивной реювенации оруденения регионального масштаба. Концепции были апробированы и развиты в монографиях: «Рудные формации и эволюционно-исторический анализ благороднометалльного оруденения», «Золоторудные гиганты России и мира» (в соавторстве с М. М. Константиновым, Е. М. Некрасовым, С. Ф. Стружковым), «Уникальный золоторудный район Чукотки» (в соавторстве с А. В. Волковым), «Геология месторождений серебра» (в соавторстве с М. М. Константиновым, А. В. Костиным), «Месторождения золота и серебра Чукотки» (в соавторстве с А. В. Волковым, В. И. Гончаровым), «Рудноформационный анализ» и «Металлогения вулканогенных поясов и зон активизи-

зации» (в соавторстве с В. И. Старостиным и А. В. Волковым). Общее количество публикаций А. А. Сидорова – более 400.

В 1971 г. в СВКНИИ ДВНЦ АН СССР в г. Магадане была создана лаборатория геологии благородных металлов, заведующим которой Анатолий Алексеевич проработал восемь лет. В это время он руководил исследованиями основных золото-серебряных месторождений Карамкен и Дука в Магаданской области. В 1980 г. участвовал в организации отдела геологии золота Востока СССР в ЦНИГРИ Мингео СССР в г. Москве, а затем был избран заведующим этим отделом. А. А. Сидоров возглавлял научно-производственную группу Мингео СССР по изучению и разведке крупнейшего месторождения золота Чукотки – Майское. С 1985 по 1993 г., работая директором СВКНИИ, организовал Северо-Восточный научный центр ДВО РАН, председателем которого был избран в 1990 г. Он работал руководителем народного университета общества «Знание» Советского района г. Москвы (1983–1984) и председателем Северо-Восточного отделения Всесоюзного минералогического общества (1985–1993), входил в состав редколлегии журналов «Колыма», «Материалы по геологии и полезным ископаемым Северо-Востока СССР», «Тихоокеанская геология» и «Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН». Также он занимал пост заместителя главного редактора журнала «Вулканология и сейсмология».

На основе изучения металлоносности вулканогенных поясов и структур их фундамента А. А. Сидоровым создана новая концепция рудноформационного анализа, имеющая большое теоретическое и практическое значение.

А. А. Сидоров являлся членом Национального комитета Тихоокеанской научной ассоциации и Международной ассоциации по генезису рудных месторождений.

За большие заслуги Анатолий Алексеевич был удостоен многих высоких наград, среди которых орден «Знак Почета», медаль «За трудовую доблесть»; он лауреат премии имени академика В. А. Обручева за 1990 г.; отличник разведки недр (1982 г.); отмечен грамотами Президиума РАН и Губернатора Магаданской области.

И все же из широкой совокупности различных регалий и должностей – чл.-корр. РАН, заслуженный деятель науки, доктор наук, профессор, гл. научный сотрудник лаборатории геологии рудных месторождений ИГЕМ РАН, по жизни убежденный коммунист, мы выделяем важнейшее – Анатолий Алексеевич Сидоров был прежде всего достойным Гражданином своей Родины!

*Коллеги, друзья, единомышленники,
многочисленные ученики*